

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-269-272

XXVI НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

Ежегодная конференция, состоявшаяся 31 октября 2022 года, прошла в так называемом штатном режиме совместной работы сотрудников Рукописного отдела и представителей других институций, исследовательский поиск которых сосредоточен на архивных материалах ИРЛИ. Однако даже в спонтанно сложившейся программе выступлений сразу обозначилась тематическая доминанта профессионального дискурса, связанная с выявлением и введением в научный оборот отдельных материалов из необработанных фондов, которая, в свою очередь, может быть конструктивным решением проблемы информирования и организации доступа исследователей к редким документам. По совпадению три типологически близких доклада оказались прямо или косвенно посвящены пушкиноведению.

В выступлении Т. С. Царьковой (Санкт-Петербург) «Прообраз Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома» была воссоздана история неопубликованного альманаха, названного, в честь дня рождения А. С. Пушкина, «26 мая» (по ст. ст.). Папка, объединившая 53 статьи и публикации (среди авторов имена впоследствии выдающихся ученых — Д. И. Абрамович, М. К. Азадовский, М. Д. Беляев, В. Е. Евгеньев-Максимов, М. К. Клеман, Б. И. Коплан, Б. Л. Модзалевский, Б. В. Томашевский, Б. М. Энгельгардт), пролежала в хранилище необработанных материалов ровно сто лет. Судьба рукописи сопровождалась фатальными трудностями. Анализируя вступительную статью составителя и ответственного редактора Б. Л. Модзалевского, исследовательница сделала вывод, что содержание альманаха в его «пушкинской» части первоначально было ориентировано на научное осмысление материалов выставки «Пушкин и его современники», открывшейся в стенах Пушкинского Дома в июне 1922 года. В этом формате книге не суждено было выйти из печати «по скудости», — как выразился редактор-составитель, характеризуя реалии первых лет советской власти, — «издательских возможностей», а также «по причине полного расстройств типографского дела в современной России». Некоторые анонсированные публикации по пушкинской эпохе вскоре появились в других изданиях Пушкинского Дома. С кончиной Модзалевского в 1928 году рукописная книга «26 мая» стала никому не известным архивным документом, а часть подготовленных в ней публикаций автографов нашла исследователей в новых поколениях. Этот процесс также был освещен в докладе. Заключительный вывод Царьковой состоял в обозначении обратной перспективы, выстроенной от возникших впоследствии академических изданий, посвященных рукописному наследию русской литера-

туры, к первому пушкинодомскому альманаху, появившемуся под началом одного из основателей Рукописного отдела. Таким типологически близким академическим проектом, сходным по структуре с составом альманаха «26 мая», стал «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома», первый выпуск которого увидел свет в 1969 году под редакцией К. Д. Муратовой. У коллег выступление вызвало глубокую заинтересованность, поскольку они также обращались к рукописи «26 мая» для своих научных целей. Т. И. Краснобородец добавила несколько наблюдений, касающихся эстетической идеи неизданного, но проанонсированного сборника. Продолжая рассуждения о преемственности «Ежегодника», она предложила сопоставление современного издания с таким недолговечным, но также близким по строению разделов и научным целям предшественником, как «Временник Пушкинского Дома», первая книга которого увидела свет в 1913 году.

Сходная методика реконструкции истории нереализованного издательского проекта, подготовленного в стенах Пушкинского Дома, была продемонстрирована в докладе В. В. Турчаненко (Санкт-Петербург) «Незавершенный редакторский труд Д. П. Якубовича (седьмой «Временник Пушкинской комиссии»)». Объектом исследования также стали материалы необработанной части архивного хранения. Однако если сборник «26 мая» можно считать вообще выпавшим из истории пушкиноведения, то долгое время значившийся утраченным седьмой том серийного издания «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии» является отрефлексированной учеными лакуной, восполнение которой мыслилось целесообразным не только для истории фундаментального академического проекта, но и для пушкиноведения в целом. Как известно, редактирование этого выпуска, как и пяти (из семи) предыдущих, осуществлялось Якубовичем. Однако внезапная смерть пушкиниста в 1940 году и вскоре начавшаяся война создали ряд непреодолимых трудностей, в связи с которыми налаженная работа остановилась практически на десять лет. В обширном экскурсе к главной теме — содержанию новонайденной рукописи — докладчик изложил основные вехи короткой, но чрезвычайно плодотворной научной биографии Якубовича как представителя второго поколения ученых Пушкинского Дома, оказавшего существенное влияние на принципы и методологию подготовки академического Пушкина. Научно значимым результатом работы является аналитическое описание редакционного портфеля несостоявшегося «Временника». Сверка с библиографическими сводами привела к впечатляющему итогу: из отобранных Якубовичем для седьмого тома 18 научных текстов

так и остались неопубликованными 15. Докладчик досконально проследил дальнейшую эдидионную судьбу этих трудов. Продуктивным оказался и текстологический анализ редакционной правки, которая была начата Якубовичем, а после него продолжена Б. В. Томашевским. Вспомогательную роль в установлении датировок сыграли вторичные материалы архивной папки, в частности газеты, послужившие обложками для рукописей. Таким образом обозначились крайние даты редактирования рукописи, последняя из них — весна 1941 года. В заключение выступления докладчик объявил о завершении архивной обработки рукописи седьмого «Временника Пушкинской комиссии»: материалы, долгое время остававшиеся вне исследовательского доступа, уже внесены в опись Пушкинского фонда и, таким образом, в ближайшее время будут предоставлены для научной работы посетителей Читального зала Рукописного отдела.

В ходе последовавшего обсуждения прозвучал вопрос, обращенный к содержанию вводной части, в которой были сопряжены обстоятельства похорон Якубовича и два поэтических свидетельства современников, наполнивших это печальное событие символическими подтекстами. Интерес вызвала личность малоизвестного в наши дни поэта Ю. М. Магалифа. По убеждению Турчаненко, он «точно» был на гражданской панихиде по скончавшемуся Якубовичу, состоявшейся в стенах Пушкинского Дома. Действительно, его стихотворение, продекларированное в начале выступления, носит соответствующее название «Воспоминание» (первая известная публикация в авторском сборнике 1988 года). Особенно любопытно, что в образе музы или, вернее, «свидетельницы века» в этом поэтическом тексте воспроизведен образ А. А. Ахматовой, экфрастически повторяющий известный портрет работы Н. Алтмана (1915) в обстановке едва ли ни того же Малого конференц-зала, где проходило заседание Чтений. Присутствие поэтессы среди прощавшихся с ученым подтверждается строфой из «Поэмы без героя» (Ч. 2 «Решка». XIV) и верифицируется таким надежным источником, как «Записки об А. А. Ахматовой» Л. К. Чуковской. Однако является ли стихотворение Магалифа художественным свидетельством факта его личной биографии (в те поры поэту было двадцать два, его имя не встречается ни в окружении поэтессы, ни в академической среде), или же этот текст следует считать поэтической рефлексией чужого рассказа, осталось без документальных подтверждений.

Теоретический и научно-практический метод анализа материалов, отражающих описание ценного историко-литературного источника, был представлен в докладе Н. А. Хохловой (Санкт-Петербург) «„Слово о полку Игореве“: экземпляр А. И. Тургенева в библиотеке Пушкина». Вначале выступавшая предложила аудитории краткий экскурс в историю конкретного экземпляра из тиража первого издания «Слова» (1800). Эта книжная редкость, как и другие

сохранившиеся после пожара 1812 года экземпляры, приравненная по своей исторической значимости к рукописи, попала в коллекцию Тургенева, уже имея на своих полях значительное количество маргиналий ориенталиста и дипломата А. Я. Италинского. Актуализируя задачи собственных изысканий, связанных с фондом братьев Тургеневых (ИРЛИ. Ф. 309), докладчица рассказала об обстоятельствах приобретения книги, до сих пор не известных, и указала предполагаемую дату покупки. Наличие помет авторитетного ученого и выдающегося коллекционера придавало этому книжному раритету особую ценность. В письме Жуковскому Тургенев сообщал, что пометы содержали «объяснения по восточным языкам». Акад. И. Ю. Крачковский в статье «Один из первых исследователей восточных элементов в „Слове о полку Игореве“», посвященной Италинскому, попытался выяснить, каково могло быть содержание этих «объяснений». В 1834 году Тургенев «судил» книгу Пушкину в связи с работой поэта над переводом «Слова». В рамках темы «Пушкин и „Слово о полку Игореве“» экземпляр Тургенева с маргиналиями Италинского принято рассматривать как важный источник. Книга находилась в библиотеке поэта вплоть до его гибели. Остается неизвестным, вернулась ли она к владельцу; ее местонахождение считается неустановленным. Практическая часть исследования Хохловой состояла в применении всей собранной ею суммы сведений о разыскиваемом экземпляре в отношении к экземпляру «Слова» из собрания БАН (шифр: 1800/113). Согласно однажды высказанной гипотезе М. И. Гиллельсона, он мог оказаться искомым уникалом. Несмотря на прогнозируемый отрицательный результат, исследовательница провела сверку почерка маргиналий с выявленными образцами письма Италинского и убедилась в несостоятельности предположения Гиллельсона, что представляет объективные условия для продолжения поиска. Доклад сопровождался демонстрацией иллюстративных материалов.

Другой полюс деятельности архивистов, связанный с атрибуцией и изучением новых поступлений, также нашел свое отражение в программе Чтений. Доклад М. В. Кужлева (Санкт-Петербург) «„Как радостно знать, что Вы есть!...“: письмо М. А. Чехова к М. В. Сабашниковой 1945 года (из новых поступлений РО ИРЛИ)» был посвящен отдельным эпизодам биографии двух известных представителей русского модернизма, ассимилировавшихся в зарубежной культуре волею судьбы, а также согласно собственным творческим и духовным устремлениям. Эпистолярный документ был передан в дар Пушкинскому Дому от В. В. Чахотиной (Берлин), в детском возрасте лично знавшей М. В. Сабашникова. Раскрытию контекста этих отношений способствовала такая важная часть архивной работы, как интервьюирование дарителя. Почерпнутые Кужлевым из рассказа Чахотиной сведения позволили объективировать неизвестные ранее дружеские

связи, которые соединили художницу с семьями Чахотиных и Майер-Смитсов и во многом определили обстоятельства ее эмигрантской жизни (после 1922 года), прежде всего касающиеся Штутгарта как одного из центров антропософского движения в Германии. В докладе также была прослежена история приобщения Чехова к учению Р. Штайнера, которая в свою очередь послужила поводом к развитию дружеских отношений артиста и Сабашниковой, ставшей убежденной последовательницей учения Доктора еще в России, с 1905 года. Фрагмент переписки, обнаруженный благодаря установленным Кужлевым контактам с Чахотиной, привносит дополнительные обертоны в историю русского зарубежья и отчасти раскрывает характер общения двух многолетних собеседников, восстановивших прерванные контакты на исходе Второй мировой войны.

В сообщении Е. Р. Обатниной (Санкт-Петербург) «Вещественная память: новые поступления к фонду А. М. Ремизова» речь шла скорее о материальной культуре, чем о текстах, которые в разном выражении обычно становятся объектами хранения Рукописного отдела. В формате стендового доклада была раскрыта история взаимоотношений дарительницы Ольги Вадимовны Андреевой-Карлайл и ее родителей — поэта Вадима Леонидовича Андреева и переводчицы Ольги Викторовны Черновой-Андреевой — с супругами Ремизовыми. Новые материалы в действительности представляют собой предметы бытовой культуры, сопровождавшие Серафиму Павловну Ремизову-Довгелло в детстве, в студенческой юности и первые годы петербургской жизни, начатой как заново, с чистого листа, после северной ссылки. Свое «наследство» она постепенно передавала крестнице — младшей Оле Андреевой. Так собралась небольшая памятная коллекция (ученическая тетрадь, старинное украшение, маленькие подарочки, о которых упоминает дарительница в своих воспоминаниях). Ремизов спустя год после кончины супруги (13 мая 1943 года) продолжил эту традицию, подарив дочери своих ближайших друзей еще несколько предметных знаков памяти о ее крестной, сопроводив своими пояснениями и рисунками. В таком оформлении личные вещи становились духовным наследством, сохраняющим непосредственность Серафимы-ребенка — в ее «девичьем» альбомчике гимназистки седьмого класса, составленном из стихотворных автографов сверстников; восторженность юной курсистки-бестужевки, полюбившей Петербург — в фотографическом складне городских пейзажей; и наконец, глубинную религиозность — в рукописном молитвослове, в 1906–1907 годах заполненном специально для Серафимы Павловны рукой З. Н. Гиппиус. Гимназический альбомчик, несомненно оставаясь отражением душевной организации обладательницы, теперь является достойным предметом изучения детской субкультуры конца XIX века, типологические образцы которой обнаруживаются и в других фондах Рукописного отдела. Однако

трудно переоценить поступление в состав описи материалов Ремизовой-Довгелло (фонд Ремизова № 256) тетради с текстами канонических молитв в редакции Гиппиус — одной из основательниц так называемой «Церкви Третьего Завета» — уникального явления русского религиозного модернизма. Доклад сопровождался фотофиксацией и текстовыми фрагментами. В своих комментариях к обретенной архивом «вещественной памяти» о жене писателя Ремизова исследовательница обозначала коннотации с его художественными произведениями, объединенными судьбой главной героини Оли Ильменеовой — литературного воплощения Серафимы Довгелло.

Интересный ракурс анализа новых поступлений в свете уже сложившейся коллекции Пушкинского Дома предложили Л. Д. Зародова и Е. С. Левшина (Санкт-Петербург) в своего рода научном отчете о подготовленной выставке «Отец и сын Набоковы: „встреча“ архивов на берегах Невы», которая была развернута в Большом зале Института осенью минувшего года. Выставочно-экспозиционная деятельность сотрудников Рукописного отдела ИРЛИ является одной из продуктивных форм изучения архивных документов. В целом экспозиционный проект посвящался памяти политика и общественного деятеля В. Д. Набокова, погибшего 100 лет назад. Однако авторы-составители, будучи непосредственными участниками первичной обработки недавно поступившего в Рукописный отдел швейцарского архива его знаменитого сына — писателя В. В. Набокова, не пошли на поводу шаблонных решений в организации юбилейной выставки и осуществили идею объединения новых поступлений с материалами старейших фондов из коллекции Пушкинского Дома (Рукописного отдела, Литературного музея, а также Отдела БАН при ИРЛИ РАН). Сформированная аналитическая композиция позволила представить в обновленном свете биографические материалы двух героев. Воссозданный в витринах обширный «семейный» континуум включал в себя письма ближайших родственников В. В. Набокова: его прадеда — купца Василия Никитича Рукавишника, деда — сенатора, министра юстиции Дмитрия Николаевича Набокова, его супруги Марии Фердинандовны, матери — Елены Ивановны. Среди собранных на выставке материалов — содержательные письма В. Д. Набокова к соратникам по юридическому цеху — А. Ф. Кони и К. К. Арсеньеву, с которыми автора связывали и многочисленные дружеские отношения; к издателю, общественному деятелю Л. Ф. Пантелееву. Специальный подраздел выставочного пространства посвящался корреспонденции политика с представителями мира искусства и литературы — М. В. Ватсон, А. Н. Чеботаревской, Ф. Д. Батюшкова, С. Л. Бертенсона, М. Б. Черкасской, Е. П. Карпова. В ходе подготовки проекта, в частности, были тематически обозначены малоизученные страницы биографии В. Д. Набокова, например связанные с его деятельностью

в Обществе пособия нуждающимся литераторам и ученым, известном как «Литературный фонд». Доклад сопровождался виртуальным обзором материалов выставки.

Колорит эго-материалов и отдельных художественных текстов, незаслуженно оставшихся на периферии истории литературы своей эпохи, был внесен в тематическую палитру программы Чтений двумя постоянными участниками. Сообщение А. В. Вострикова (Санкт-Петербург) посвящалось обзору материалов по истории Петербургского/Петроградского университета в 1910-е годы, сосредоточенных в архиве Александра Александровича Бардовского (1893–1942) (ИРЛИ. Ф. 49). В дневниковых записях сохранились впечатления студента от лекций С. Ф. Платонова, А. И. Введенского, А. Ф. Каля и др., а также описание студенческих волнений, вспыхнувших в феврале 1912 года. Докладчик остановился на рассказе об учиненной универсантами обструкции профессора В. А. Удинцева, закончившейся с появлением полиции. Оживление и даже смех слушателей вызвали сатирические характеристики профессоров и преподавателей из составленного Бардовским тогда же пародийного «Отчета о деятельности... Историко-филологического факультета». В противовес этим документам юношеской биографии своего героя Востриков также познакомил аудиторию с содержанием написанной Бардовским в 1925 году статьи «Памяти А. И. Введенского как методиста», в которой серьезный анализ педагогических принципов и методических приемов покойного философа соединился с личными воспоминаниями слушателя и ученика. Выступление сопровождалось слайдами с интересным иконографическим и документальным материалом.

В докладе А. В. Сысоевой (Санкт-Петербург) «Театр марионеток Союза советских писателей: пьеса к 23 февраля 1935 г.» шла речь

о несостоявшемся спектакле. Авторы пьесы — известные писатели Л. С. Соболев и Б. А. Лавренев — еще только работали над ее текстом, а в прессе уже появился анонс о премьере, готовящейся к вечеру Красной армии в Доме писателя им. Маяковского. Вместе с тем закономерно, что представление не упоминалось в документах руководителя Театра марионеток Л. В. Шапориной. Поводом для сатирических эскапад послужило закрытие ленинградского журнала «Залп», которому в ряду идеологических изданий отводилась ответственная задача по созданию литературы на военную тему. Представление в жанре «комедии положений» демонстрировало негативное отношение части писателей к военизации их творчества, что выделялось на фоне обычной праздничной риторики годовщины РККА, прославляющей армию и идею укрепления обороны страны. В ироническом свете здесь изображались известные лица, события и творческие проблемы. С точки зрения взаимодействия государства и культуры сохранившаяся в Рукописном отделе Пушкинского Дома шуточная пьеса подтверждает сосуществование несообразных тенденций предвоенного десятилетия. Выбранная тематика «капустника» является объективацией взятого партией и правительством курса на милитаризацию не только специальных производственных отраслей, но и культуры в целом. В этом смысле «театр марионеток» недвусмысленно и наглядно интерпретировал роль писателя в государственной политике. С другой стороны, сатира и шутка в литературе всегда считались действенными способами выражения внутрицеховой позиции, направленной на идеологические директивы.

Чтения Рукописного отдела транслировались на YouTube-канале ИРЛИ РАН.

© Е. Р. Обатнина

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-272-275

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «„МЫСЛЯЩИЕ МИРЫ“ Ю. М. ЛОТМАНА», ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО*

16–18 декабря 2022 года в онлайн- и офлайн-форматах прошла научная конференция

* Исследование выполнено при поддержке особо значимого государственного гуманитарного проекта КНР «Китайский перевод и исследование сборников Юрия Лотмана» (尤里·洛特曼著作集汉译与研究, номер проекта: 21&ZD284) и проекта В для выдающихся аспирантов Нанкинского университета (номер проекта: 202202B011).

«„Мыслящие миры“ Ю. М. Лотмана: Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Юрия Михайловича Лотмана». Она была организована Институтом иностранных языков, Научно-исследовательским центром россиеведения и Издательством Нанкинского университета (Нанкин, Китай). В заседаниях приняли участие более 80 исследователей из Армении, Беларуси, Венгрии, Италии, России, Китая, США и Эстонии.